Сафонова Мария Андреевна

кандидат социологических наук
Национального исследовательского университета —
Высшей школы экономики,
научный сотрудник Центра молодежных исследований,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: safonovam@yandex.ru

Институционально-исторические основания системы международной студенческой мобильности

Цель статьи — систематически картографировать международные студенческие потоки и проверить гипотезы о значимости некоторых факторов, определяющих возникновение потоков и делающих перемещение студентов в одни страны более вероятным, чем в другие. Анализируются данные UNESCO и Федеральной службы государственной статистики РФ. Используются методы многомерной статистики и алгоритмы сетевого анализа. Обнаружено, что чем меньше страна, тем больше студентов (от общего числа студентов в стране) уезжает учиться за ее пределами. Значимой связи между долей интернационально мобильных студентов (от общего числа студентов в стране) и показателями экономического развития (ВВП на душу населения) не было зафиксировано. Делается вывод о значимости факторов принадлежности к одной политической структуре в прошлом для возникновения и поддержания современных студенческих потоков.

Ключевые слова: иностранные студенты, международные студенческие потоки, сети студенческой миграции

Международная студенческая мобильность является объектом пристального исследовательского внимания с 1970-х годов, с того момента, когда явление становится массовым (Myers, 1972; Rao, 1979), хотя существует большое количество работ, написанных раньше [в одной из книг, посвященной иностранным студентам в США и выпущенной в 1976 году, библиография насчитывает 450 позиций; в аннотированном списке литературы, выпущенном Филипом Альтбахом, одним из главных мировых специалистов по иностранным студентам, в 1985 году, где дается обзор работ, написанных после 1976 года, 209 позиций (Altbach, 1985)]. В фокус внимания большинства исследователей попадают преимущественно основные характеристики иностранных студентов и параметры принимающей их страны: изучается адаптация, специфика обучения, мотивы выбора страны/университета, миграционные намерения, привлекающая иностранных учащихся миграционная политика, адаптированность учебного плана и т. д. (D'Arca, 1994: Alberts and Hazen, 2005 и др.). Во второй половине XX — начале XXI века написаны сотни работ, посвященных международной студенческой мобильности.

Тем не менее в этом огромном корпусе гораздо меньше работ, авторы которых задаются вопросом о детерминантах, задающих направление движения иностранных студентов и выигрыши тех или иных реципиентов. Можно выделить два типа дизайна таких работ. В работах с дизайном первого типа (один реципиент — много доноров) обсуждается перемещение мобильных студентов в отдельные страны. Огромное их число написано о США (например, McMahon, 1992; Dreher and Poutvaara, 2005; и др.), меньшее — о Великобритании (например, Naidoo, 2007) и Австралии (например, Mazzarol and Soutar, 2002) как основных англоязычных реципиентах. В работах с дизайном второго типа (много реципиентов — много доноров) на основании специфической выборки обсуждаются детерминанты миграционного взаимодействия разных стран. Например, Карин Тремблей (Tremblay, 2002) изучала миграцию студентов между странами Организации экономического сотрудничества и развития, и миграцию студентов в эти страны. Джордж Барнетт и коллеги определяли взаимодействия в системе международного образования как обмен между странами; соответствующим образом задавалась выборка (Barnett and Wu, 1995; Tse-Mei and Barnett, 2000). Таким образом, дизайны проведенных ранее исследований имели специфические ограничения и не учитывали участия определенной части активных на международном рынке образования стран.

В работах, претендующих на формулировку зависимостей, использовались и систематически проверялись только две объяснительные модели. Для объяснения паттернов движения иностранных студентов в существующих работах были использованы две не противоречащие друг другу теории: классическая экономическая теория "pull-push" и мирсистемная теория. В терминах первой миграция есть установление равновесия между регионами с дефицитом рабочей силы и регионами, где существует ее избыток; индивиды стремятся максимизировать прибыли, переместившись из региона первого типа в регион второго. Студенческая мобильность в рамках этой модели интерпретируется как первый шаг на пути к трудовой миграции, и получает громкий лейбл — "brain drain" (Rao, 1979; Altbach, 1985; Altbach, 2004; Dreher & Poutvaara, 2005; Tremblay, 2005; Mazzarol and Soutar 2002). Исследователи фиксируют общую «географическую» ориентацию студенческой мобильности: из южных стран — в северные (Altbach, 2004). В рамках второй предполагается, что направление движения студентов задает организация современной миросистемы: молодые люди из периферийных стран, претендующие на хорошее образование, перемещаются в страны ядра или полупериферии, которые специализируются на высокотехнологичном производстве и предлагают лучшие образовательные услуги (Chen and Barnett, 2000; Schott, 1998).

Обе модели описывают лишь общее направление движения студентов; обе используют для предсказания объема студенческого потока только демографические и макроэкономические переменные. Однако они не позволяют объяснить явление, которое мы сегодня наблюдаем в ходе статистического анализа распределения иностранных студентов по принимающим странам. Студенты из разных стран не распределены по центральным странам, экономика которых обладает потенциалом «притяжения» ("pull" factors) в точности пропорционально размерам исходящего потока и принимающей академической системы, как это было бы, если бы мы наблюдали стохастический процесс. Анализ данных UNESCO позволяет обнаружить отклоняющиеся от случайных распределения: например, в 2007 году 65 % всех мобильных студентов из Казахстана, 57 % из Белоруссии, и 55 % из Армении учатся в России. 89 % студентов из Алжира, 79 % из Сенегала и 67 % из Марокко учатся во Франции и т. д.

Предположения, которые позволяют интерпретировать эти распределения, высказывались ранее — это предположения о значимости старых колониальных связей и институциональной близости для формирования современных студенческих потоков (Altbach, 2004, Tremblay, 2002, Murphy-Lejeune, 2001). Эти предположения

будут объединены в данной работе под лейблом «историко-институциональной» модели. Альтбах даже называет современную систему высшего образования «неоколониализмом», поскольку старые страны Севера, во-первых, притягивают студентов из стран Юга, во-вторых, экспортировали модели своих университетов в развивающиеся страны, в-третьих, открывают «филиалы» своих учебных заведений в этих странах. Он, тем не менее, отказывается от более строгого анализа[7], считая явление «слишком комплексным» для точной картографии. Сегодня мы располагаем более точными источниками данных (статистикой UNESCO по 211 странам, отправляющим и принимающим студентов) и более совершенными методами картографии. Цель данной статьи — систематически картографировать студенческие международные потоки, проверить объяснительную способность существующих моделей и показать механизмы, которые делают перемещение студентов в одни страны более вероятным, чем в другие.

Гипотезы и данные

Представим себе карту студенческих миграций в виде системы каналов, соединяющих бассейны-страны. Объем потока, следующего по каждому из каналов, соответствует количеству учащихся, перемещающихся из страны А в страну Б с образовательными целями. Что определяет этот поток? Мы начнем с самых простых гипотез:

ГИПОТЕЗА 1: Чем больше общая доля студентов из страны А, учащихся за границей, тем большее их число учится в Б.

Эта гипотеза дополняется тремя вспомогательными:

ГИПОТЕЗА 1А: Чем выше жизненный уровень населения страны А, тем больше доля покидающих ее с образовательными целями.

ГИПОТЕЗА 1Б: Чем ниже жизненный уровень населения страны А, тем больше доля покидающих ее с образовательными целями.

ГИПОТЕЗА 1В: Чем меньше страна А, тем больше доля покидающих ее с образовательными целями.

Гипотезы 1А и 1Б явно противоречат друг другу, хотя каждая из них опирается на линию рассуждений, которые сами по себе кажется вполне правдоподобными: чем богаче страна — тем больше возможностей для приобретения образовательных услуг за рубежом; чем беднее — тем больше экономических стимулов из нее мигрировать, используя образовательные программы в качестве канала. Зависимость, впрочем, может оказаться и нелинейной: студенческая миграция из самых бедных стран невозможна, поскольку лишь немногие дети там получают хотя бы среднее образование, из несколько более развитых в образовательном отношении она наиболее интенсивна, а из самых богатых — вновь низка (зачем им куда-то ехать, если можно привезти лучших преподавателей к себе?). Гипотеза 1В утверждает, что чем меньше страна, тем больше разновидностей образовательных услуг, которые в ней невозможно получить, и тем больше причин уезжать из нее учиться.

[7] В оригинале — “the world balance of students in terms of flows and directions is complex and difficult to accurately portrait...” — говорит он в своей работе 1985 года (Altbach 1985, 10). В более современных его статьях есть указание на общее направление, но все так же отсутствует более подробный анализ и систематическая проверка выдвинутых предположений (Altbach, 2004).

ГИПОТЕЗА 2: Чем больше студенческая популяция страны А, тем больше число приезжающих из нее учится в любую другую страну Б[8].

Гипотеза 2 кажется противоположной Гипотезе 1В, но речь в ней идет об абсолютном числе, а не о доле. При подсчетах влияние одного фактора будет, вероятно, поглощено влиянием другого.

Продолжаем рассуждать далее: физическая и социальная дистанция между регионом-донором и регионом-реципиентом не может не иметь значения. Чем ближе в пространственном отношении, тем дешевле билеты и проще поддерживать связь с домом. Чем ближе в культурном и социальном отношении, тем более все знакомо и понятно, тем легче сориентироваться на месте и проще социальная адаптация. Чем дальше, тем выше то, что институциональная экономика называет «транзакционными издержками». Отсюда:

ГИПОТЕЗА 3: Чем ближе пространственно находятся страны, тем интенсивнее студенческая миграция между ними.

ГИПОТЕЗА 4: Чем ближе страны исторически и культурно, тем интенсивнее студенческая миграция между ними.

В то время как проверка всех предыдущих гипотез возможна на основе легкодоступной статистики, проверка последней гипотезы затруднена: какую меру культурной и исторической близости выбрать? Тем не менее именно влияние этого последнего фактора является основным предметом анализа в данной статье. Далее текст построен на сочетании количественного статистического, качественного сетевого и исторического анализа: мы рассмотрим случаи отдельных стран — крупнейших поставщиков образовательных услуг — и проанализируем роль различных факторов в определении интенсивности студенческих потоков, идущих в эти страны.

Для реконструкции потоков студенческой мобильности между странами были использованы данные Института статистики UNESCO. Использовались данные за последний доступный на момент анализа год (2007). Страны, которые отправили менее 500 интернационально мобильных студентов в 2007 году, исключены из анализа (в базе UNESCO есть информация о 211 странах; в ходе анализа использовались данные о 203 странах). Когда сотрудники Института статистики UNESCO указывают число студентов, прибывших из страны А в страну В, они суммируют данные о студентах университетов, которые получают первые дипломы или степени, и данные о тех студентах, которые обучаются на аспирантских (PhD) программах.

Для фиксации количества иностранных студентов из страны А в стране В сотрудники UNESCO используют материалы, предоставляемые принимающей страной В. К сожалению, до 2007 года Российская Федерация предоставляла детализированные данные только об иностранных студентах из избранной группы стран, а именно — государств бывшего СССР. О студентах из других стран она предоставляла агрегированные данные — в таблицах фиксировалось количество студентов «из Азии», «из Африки», «из Латинской Америки» и т. д. С 2007 года Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат) публикует данные об отдельных группах

[8] Парной для этой гипотезы должна была бы быть гипотеза 2А, гласящая, что поток тем больше, чем больше студентов страна Б готова принять — чем больше в ней университетов и профессоров, тем большему числу студентов те могут предоставить образовательные услуги. Однако спрос порождает предложение и, кроме как в самой краткосрочной перспективе, недостаток профессоров не должен стать лимитирующим фактором.

иностранных студентов из государств «дальнего зарубежья», которые для России как принимающей страны являются довольно крупными (хотя все еще не публикует данные обо всех группах). Поэтому данные UNESCO дополнены данными Росстата.

Предоставляемые Институтом статистики UNESCO и Росстатом данные были использованы для двух видов анализа: многомерного статистического и сетевого. Для проведения многомерного статистического анализа был создан файл программного обеспечения SPSS, куда в качестве переменных были занесены принимающие интернационально мобильных студентов страны, а в качестве случаев — отправляющие страны. Значение переменной отображает количество студентов из какой-либо отправляющей страны в данной конкретной стране. Кроме того, в анализ были введены бинарные переменные (1) «географическая близость» (бинарная переменная, «близкими» считались страны, ближайшее расстояние между границами которых не превышало 500 км) и (2) «исторический опыт политической зависимости» страны ***A*** от страны ***B***. Переменной присваивалось значение «1», если (a) значительная территория современной страны ***A*** находилась в политической зависимости от страны ***B*** до момента получения статуса независимости в XX веке, или (b) страна ***A*** получила независимость раньше, в XIX веке, но при этом страной ***B*** в ***A*** был экспортирован язык, и этот язык в данный момент является одним из государственных. Было создано пять таких переменных; в качестве страны ***B*** были введены бывшие империи — Великобритания, Франция, Испания, Португалия и Россия.

Для того чтобы статистические данные можно было использовать в ходе сетевого анализа, они были преобразованы в квадратную матрицу смежности. В заголовках строк и столбцов этой матрицы были обозначены случаи, то есть страны, которые участвуют во взаимодействии, а в ячейках матрицы фиксировалось наличие и объем студенческого потока (число студентов) либо его отсутствие (обозначалось как «0»). Затем они анализировались и были графически репрезентированы с помощью программного обеспечения для анализа и визуализации сетевых данных “USINET” и “Organizational Risk Analysis” (ORA). В качестве атрибута агентов (стран) была использована характеристика «экспортируемый язык» (процедура классификации описана в предыдущем абзаце).

Международная статистика студенческих миграций

Мы начнем с проверки вспомогательных по отношению к гипотезе 1 предположений о факторах, влияющих на долю интернационально мобильных студентов в данной стране. Самый краткий экскурс в статистику ЮНЕСКО[9] показывает, что подавляющее большинство студентов в мире учатся в своей стране и всего около 2 % от общего числа студентов в мире становятся интернационально мобильными. Эта доля не меняется с 1960-х годов; абсолютное число интернационально мобильных студентов растет вместе с общей экспансией высшего образования (McMahon, 2009: 466; Global Educational Digest, 2009: 37). В 2007 году средняя доля обучающихся за границей студентов по отношению к студентам, обучающимся в своей стране (outmobile student ratio), для 108 государств, представивших статистику, составляла 12,9 %. При

[9] Здесь и далее используется статистика ЮНЕСКО за 2007 год с сайта http://www.uis.unesco.org.

этом медианное значение составляло лишь 3,7 % — сдвиг среднего в сторону увеличения произошел в основном за счет нескольких стран с очень высоким показателем — Антигуа и Барбадоса (147 %), Лихтенштейна (131 %), Бермуд (124 %), Кипра (103 %) и некоторых других. Уже из этого перечисления хорошо видно, что доля мобильных

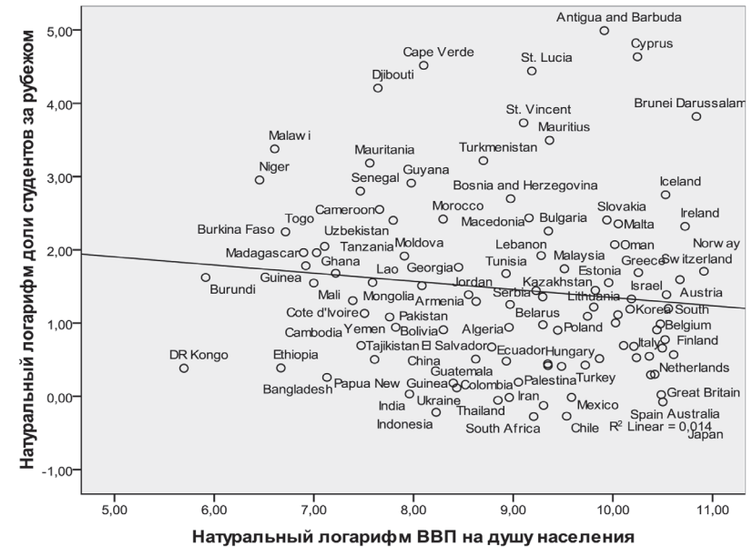

Рис. 1 и 2. Связь доли интернационально-мобильных студентов с общей численностью населения (вверху) и ВВП на душу населения, выровненного по паритету покупательной способности (внизу) — приводятся логарифмированные значения

студентов, отправляемых страной-донором, сильнее всего связана с размером этой страны. Следующие рисунки 1 и 2 иллюстрируют имеющиеся тут зависимости: численность населения страны сильно связана с долей интернационально мобильных студентов (корреляция Спирмена составляет -0,747) — чем меньше страна, тем больше студентов уезжает учиться за ее пределами.

Напротив, никакой значимой связи между долей интернационально мобильных студентов и показателями экономического развития (ВВП на душу населения) не обнаружилось (Спирмен -0,143, p>0,1). Нет ни положительной зависимости (чем богаче страна, тем больше возможностей оплатить образование за рубежом), ни отрицательной (чем беднее страна, тем хуже образование и, в целом, тем большие стимулов стремиться из нее мигрировать).

Маленькие страны отдают большую часть своих студентов, однако большие страны населяют значительно большие студенческие популяции. Какой из факторов более существен при определении объема студенческого потока? Рисунок 3 дает представление об их относительном влиянии — эффект увеличения процента мобильных студентов при уменьшении страны полностью поглощается противоположным эффектом — объем потока в значительно большей степени определяется абсолютным размером[10].

Далее мы будем анализировать потоки студентов, уже покинувших свою страну. Рассмотрим вначале три примера — США, Великобританию и Францию, которые

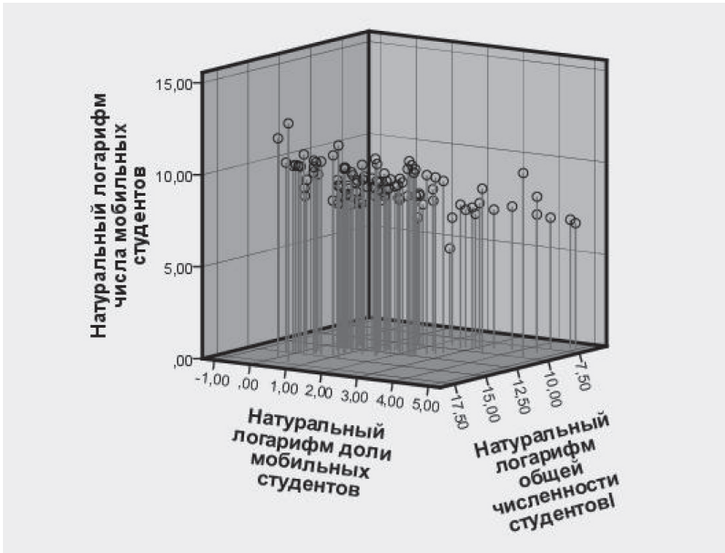

Рис. 3. Связь между абсолютным числом интернационально мобильных студентов из страны (ось Y), долей студентов, учащихся за границей (ось X), и абсолютным размером студенческой популяции (ось Z)

[10] Мы не будем дальше использовать долю интернационально-мобильных студентов в качестве предиктора в регрессионных уравнениях, чтобы избежать проблем с мультиколлинеарностью.

в совокупности получают 41,5 % всех мобильных студентов в мире (США — 21,3 %, Великобритания — 11,4 %, Франция — 8,8 %).

Вначале проверим гипотезу 1 на примере США. На рисунке № 4 показана зависимость объема потока (т. е. количества) иностранных студентов из некой страны-донора *N*, получаемого Соединенными Штатами, от общего числа интернационально-мобильных студентов, отравляемых страной *N*.

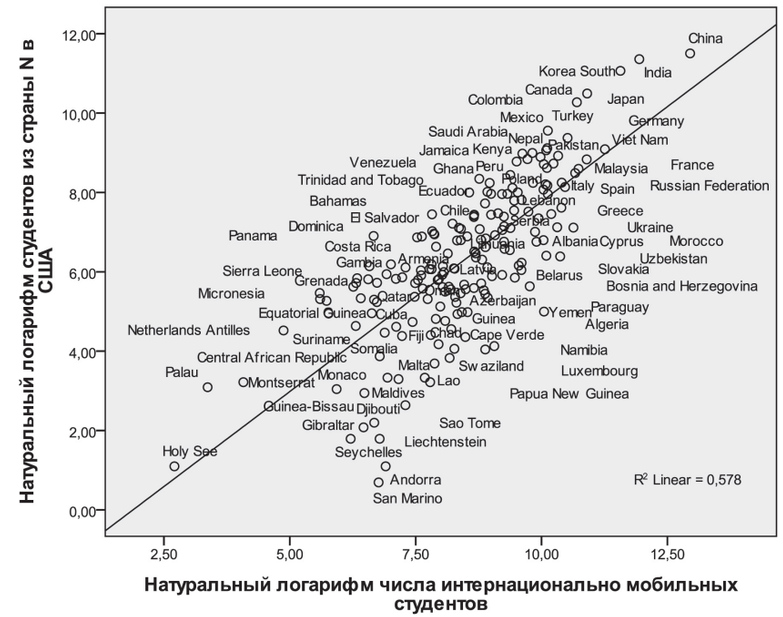

Рис. 4. Зависимость количества студентов из страны N в США от общей численности мобильных студентов из N[11]

Мы видим, что чем больше страна *N* отправляет студентов, тем большую их долю получают Соединенные Штаты. Гипотеза 1 получает убедительное подтверждение. Однако на рисунке можно обнаружить ряд точек, которые находятся значительно

[11] На этом и следующих далее рисунках точками обозначены отправляющие студентов страны. По горизонтальной оси отложено общее число интернационально мобильных студентов из какой-либо отправляющей страны N, по вертикали — их количество в одной из крупных стран-реципиентов (в данном случае, в США). Для простоты отображения взят натуральный логарифм обоих чисел. Центральная диагональная линия обозначает линию регрессии. Приведен показатель R^2, который, однако, имеет только иллюстративное значение, так как перед его вычислением переменные подверглись логарифмированию. Тем не менее даже визуально очевидно, что высокий R^2 в данном случае отражает сильную зависимость (0,578, немногим менее 60 % дисперсии). Более корректные расчеты, основанные на генерализованной линейной модели, см. в таблицах в тексте.

выше линии регрессии — это Канада, Индия, Ямайка, Танзания, Египет, Панама, Мексика, Южная Корея, Япония и др. Это страны, которые отдают США значительно больше своих интернационально мобильных студентов, чем мы могли бы предполагать, опираясь на модель, учитывающую только размер отправляемого страной-донором потока. Мы также видим случаи, находящиеся значительно ниже линии регрессии, — это Алжир, Тунис, Джибути, Таджикистан, Азербайджан, Мальта, Бруней и др. Это страны, которые отправляют значительно меньше своих интернационально мобильных студентов, чем можно было бы ожидать.

Проверим теперь гипотезу 1 на примере Великобритании. На рисунке № 5 показана зависимость объема потока иностранных студентов из некой страны-донора *N*, идущего в Великобританию, от общего числа интернационально мобильных студентов, отравляемых страной *N*.

На визуализации заметно, что зависимость является менее сильной, чем в случае США, — точки сильнее разбросаны вокруг линии регрессии. Некоторые опять находятся существенно выше — США, Ирландия, Нигерия, Гибралтар, Катар, Мальта, Уганда и др. — и отображают страны, которые отдают Великобритании значительно больше своих студентов, чем мы могли ожидать, основывая свои расчеты на размере отправляемого страной-донором потока. С другой стороны, мы снова обнаруживаем случаи, которые находятся значительно ниже линии регрессии, то есть отправляют меньше студентов, чем мы могли бы предположить: Марокко, Узбекистан,

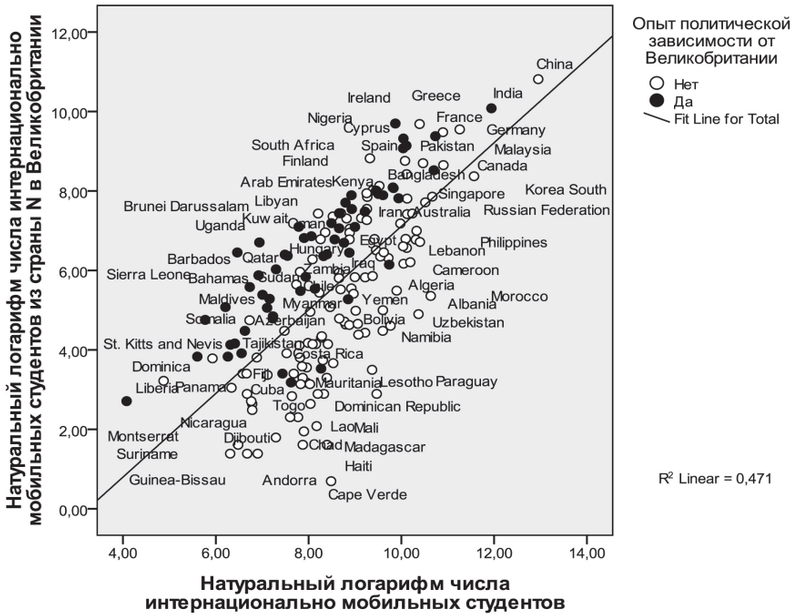

Рис. 5. Зависимость количества студентов из страны N в Великобритании от общей численности мобильных студентов из N; темные значки соответствуют бывшим британским колониям

Сенегал, Перу, Бенин, Лаос, Гаити, Коморские острова, Суринам и т. д. Случаев, расположенных значительно ниже или выше линии регрессии, становится больше, приходится начинать думать об альтернативных объяснениях.

Какие еще факторы могут влиять на объем студенческого потока? Возвращаясь к нашим гипотезам, мы можем предположить, что имеет место, во-первых, ценовая сегментация, во-вторых, тематическая сегментация, в-третьих, пространственная и институциональная близость. Они будут рассмотрены по очереди.

Мы видели выше, что богатство страны не влияет напрямую на долю студентов, учащихся за рубежом, но отсутствие этой зависимости не исключает того, что пункты назначения студентов, выбравших зарубежные университеты, будут различными. Может ли быть так, что одни страны специализируются на элитарном высшем образовании для богатых, а другие — на бюджетном образовании для бедных? Глядя на расположение точек на графике, это объяснение оказывается не очень убедительным. Среди тех, кто отдает неожиданно много мобильных студентов Великобритании, оказываются как обеспеченные Ирландия и Катар, так и голодающие Нигерия и Сьерра-Леоне. Тем не менее ниже мы проверим эту гипотезу систематически.

Вторая гипотеза не может быть проверена в данный момент, поскольку ЮНЕСКО не публикует сведения о том, как соотносится страна происхождения иностранных студентов и факультет, на котором они учатся. Интуитивно, однако, эта гипотеза кажется малоубедительной: ничего не известно о принципиальных различиях в специализациях, по которым предлагают дипломы университеты США, Великобритании и Франции. Допущение же, что студенты из Камеруна, Нигерии, ЮАР и Центрально-Африканской Республики предпочитают радикально различные области знания, и вовсе кажется неправдоподобным.

Гипотеза территориальной близости на первый взгляд работает лучше. Ирландия находится радом с Великобританией, а Мексика и острова Карибского бассейна — рядом с США. В других случаях, однако, и она дает сбой — обе страны находятся на приличном расстоянии от Южной Кореи, Индии и Филиппин, что не мешает последним отправлять в США или Великобританию много мобильных студентов. Существует, однако, еще одно предположение, которое отчасти поглощает предыдущее и согласуется с данными еще лучше. Это предположение о значимости институциональной и культурной близости. Такая близость обеспечивалась экспортом институциональных и культурных моделей из одной страны в другую. Наиболее ощутимые следы такого экспорта можно найти в странах, в истории которых есть период принадлежности к крупной империи (были колонизированы, находились на зависимых территориях и т. п.).

На рисунке, отображающем выигрыши Великобритании, наличие/отсутствие институционального и культурного экспорта из принимающей страны в страны-доноры обозначено с помощью значков разного типа. Темные значки на рисунке отображают страны, в истории которых в течение XIX–XX века был период политической зависимости от Великобритании (территория страны имела статус колонии или зависимой территории, находилась под протекторатом, заключала специальное соглашение, была мандатной территорией). Светлые — страны, в истории которых не было такого периода. Такая манипуляция с точками позволяет обнаружить, что темные значки концентрируются преимущественно над центральной линией, и дает нам основание предположить, что страны, которые в прошлом были политически зависимы от Великобритании, отправляют в ее университеты гораздо больше своих

мобильных студентов, чем можно было ожидать, учитывая только размер создаваемого ими потока иностранных студентов.

Более формальный тест наших предположений содержат таблицы 1 и 2, в которых приводятся результаты генерализованного анализа линейных моделей (GLZ) для США и Великобритании. В качестве зависимых переменных фигурирует количество студентов, приезжающих из данной страны в США или Великобритания. В качестве независимых — (1) общее количество интернационально мобильных студентов, покидающих страну; (2) ВВП на душу населения в отправляющей стране; (3) географическая близость; (4) исторический опыт колониальной зависимости. В модели использовались гамма-функции с логарифмической функцией связи.

Таблица 1

Результаты анализа генерализованных линейных моделей для количества студентов в США

Переменная	Бета-коэффициент	Статистика Вальда	Значимость
ВВП на душу населения	8,95*10(-6)[1]	2.20	0,138
Число интернационально мобильных студентов	5,18*10(-5)	66.08	0,000
Географическая близость	0,754	4,83	0,028

Таблица 2

Результаты анализа генерализованных линейных моделей для количества студентов в Великобритании

Переменная	Бета-коэффициент	Статистика Вальда	Значимость
ВВП на душу населения	5,54*10(-5)	51,92	0,000
Число интернационально мобильных студентов	5,19*10(-5)	54,91	0,000
Географическая близость	-0,054	0,16	0,897
Колониальное прошлое	1,267	48,97	0,000

Результаты анализа показывают, что (а) число интернационально мобильных студентов является фактором, высоко значимым и действующим с приблизительно равной силой в каждом из случаев; (б) ВВП на душу населения незначимо в случае США, но высоко значимо для Великобритании (что значит, что глобальный рынок образовательных услуг все-таки сегментирован экономически); (в) наоборот, статистическая значимость географической близости достигает уровня, превосходящего 0,05 для США, но не для Великобритании; (г) в Великобритании мы обнаруживаем исключительно значимый фактор колониального прошлого. Однако при интерпретации различий между странами по важности географической близости необходимо учитывать тот факт, что, хотя США никогда не были колониальной империей в строгом смысле, многие из соседствующих с ними государств развивались в прошлом столетии под исключительно мощным политическим влиянием Штатов, что дает ряду исследователей основания полагать, что в начале XX века

страны Центральной Америки и Карибского бассейна были частью «Американской империи» (см., например, Mann, 2008).

В случае третьего крупного международного поставщика образовательных услуг — Франции — фактор колониального прошлого работает еще отчетливее (рис. № 6). Во-первых, на диаграмме появляется еще больше исключительных случаев, поднимающих высоко над линией регрессии. Некоторые из этих случаев были замечены нами на предыдущих рисунках и обозначали страны, которые отправляли в Великобританию или США неожиданно мало студентов: Алжир, Сенегал, Гаити, Бенин, Коморские острова и др. На рисунок снова помещены точки двух видов: темными значками обозначены страны, в истории которых был период политической зависимости от Франции, светлыми — страны, в истории которых такого периода не было. Квадратные значки в большинстве своем концентрируются высоко над линией регрессии, причем выше, чем в британском случае. Тунис, Марокко, Камерун, Мадагаскар, Того, Мали, Джибути, Центрально-Африканская Республика, Гаити, Нигер и т. д. отправляют во Францию значительно больше студентов, чем мы могли бы ожидать при построении предположении только на основании размера потока, создаваемого каждой страной-донором.

Значительно ниже центральной линии мы видим страны, которые отправляют во Францию неожиданно мало студентов: Индию, Узбекистан, Бангладеш, Оман, Замбию, Зимбабве и др. Мы обнаруживаем, что мобильных студентов из некой страны *N*, «недополученных» одним реципиентом студенческой миграции, отнимает другой реципиент, причем именно тот, к чьей империи когда-то принадлежал *N*.

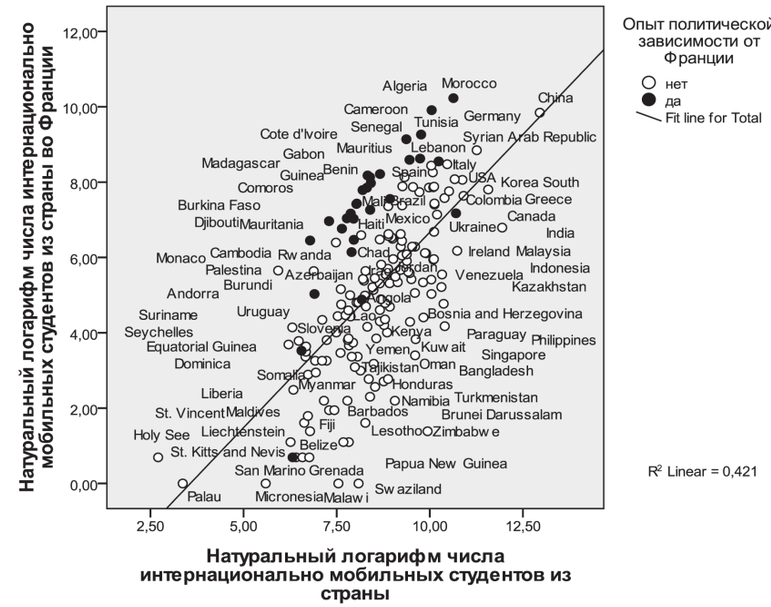

Рис. 6. Зависимость количества студентов из страны N в Франции от общей численности мобильных студентов из N; темные значки соответствуют бывшим французским колониям

Таблица 3

Результаты анализа генерализованных линейных моделей для количества студентов во Франции

Переменная	Бета-коэффициент	Статистика Вальда	Значимость
ВВП на душу населения	3,5*10(-6)	0,22	0,637
Число интернационально мобильных студентов	4,0*10(-5)	35,12	0,000
Географическая близость	1, 264	13,00	0,000
Колониальное прошлое	2,160	96,93	0,000

Глядя на таблицу с результатами по Франции, мы обнаруживаем, что (а) ВВП незначим для нее, как и для США; (б) по сравнению с предыдущими странами влияние численности интернационально мобильных студентов несколько сократилось; (в) влияние географической близости, наоборот, выросло; (г) но существенно отстает от важности колониального прошлого, которое для Франции вообще становится основным фактором. Отметим, что хотя географическая близость и опыт сосуществования в течение последнего столетия в рамках одной политической системы и показаны здесь как факторы, действующие независимо друг от друга, между ними вновь могут быть пересечения: страны, окружающие Францию, развивались под ее несомненным политическим и культурным влиянием, даже если и не были под ее непосредственным управлением за последние 100 лет.

Далее мы рассмотрим, какие потоки и в каком объеме достаются странам, которые в данных момент не входят в пятерку крупнейших реципиентов студенческой миграции, но осуществляли интенсивную политическую, экономическую и культурную экспансию в прошлом. На рисунке № 7 показана зависимость объема потока иностранных студентов из некой страны-донора *N*, получаемого Испанией, от общего числа интернационально мобильных студентов, отравляемых страной *N*. Эта зависимость гораздо слабее, чем в предыдущих случаях. «Отклоняющие» случаи, обозначенные темными значками — Мексика, Марокко, Филиппины, Венесуэла, Бразилия, Эквадор, Куба, Уругвай, Экваториальная Гвинея — взлетают очень высоко над линией регрессии.

В таблице № 4 приводятся те же регрессионные выкладки, что и прежде. ВВП на душу населения вновь стал значимым для Испании, значимость абсолютного числа интернационально мобильных студентов еще сократилась, географическая близость сохранила некоторую (ограниченную) значимость, в то время, как колониальное прошлое стало еще более значимым параметром.

Таблица 4

Результаты анализа генерализованных линейных моделей для количества студентов во Франции

Переменная	Бета-коэффициент	Статистика Вальда	Значимость
ВВП на душу населения	4,85*10(-5)	43,69	0,000
Число интернационально мобильных студентов	4,27*10(-5)	32,88	0,000
Географическая близость	0,761	3,84	0,050
Колониальное прошлое	3,137	182,70	0,000

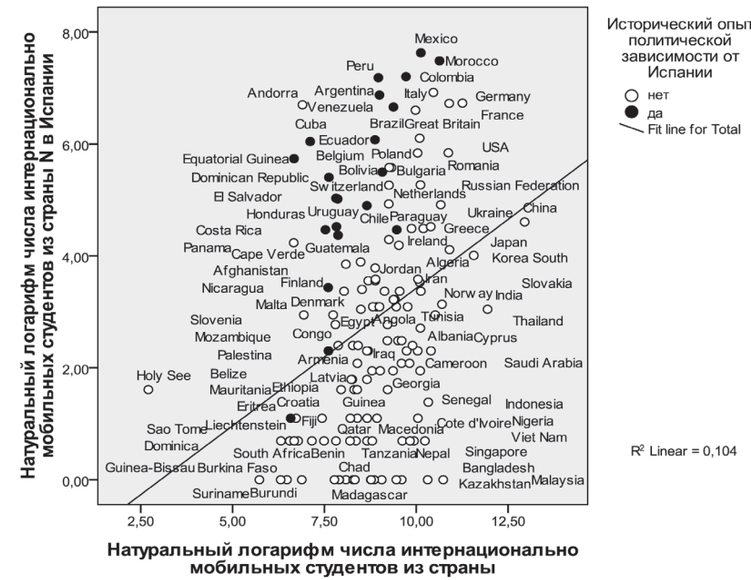

Рис. 7. Зависимость количества студентов из страны N в Испании от общей численности мобильных студентов из N; темные значки соответствуют бывшим испанским колониям

Рис. 8. Зависимость количества студентов из страны N в Португалии от общей численности мобильных студентов из N; темные значки соответствуют бывшим португальским колониям

Мы не будем приводить статистических расчетов для еще одной бывшей империи — Португалии — ограничившись очень наглядной диаграммой рассеяния. На ней мы обнаруживаем уже знакомый образец распределения точек (см. рис. № 8).

Мы видим, что темные значки, обозначающие бывшие португальские колонии Анголу, Кабо Верде, Бразилию, Мозамбик, Сан Томе и Принсипи, здесь поднялись гораздо выше всех прочих и отдают образовательной системе Португалии значительно больше своих иностранных студентов, чем остальные страны.

Из чего складываются выигрыши России в соревновании за мировой талант? К сожалению, мы не можем построить аналогичной модели для России, поскольку Росстат предоставляет детализированные данные о численности студентов только для ограниченного списка стран, из которых поступают самые большие их количества (для 28 стран, включая 14 стран СНГ и Балтии), а для всех остальных дает сведения в агрегированном виде. Поэтому нам придется ограничиться диаграммой рассеяния для тех случаев, данные о которых у нас все-таки есть (см. рис. № 9).

На этой диаграмме мы снова видим знакомый образец распределения точек. Темные значки, обозначающие бывшие советские республики, дают России заметную долю своих интернационально-мобильных студентов. Однако и все остальные государства, попавшие на него, должны напомнить читателю о карте успехов советской внешней политики. Если бы у нас появилась возможность отобразить на диаграмме те страны, которые отсутствуют в силу ограничения данных, то они концентрировались бы в нижней половине рисунка.

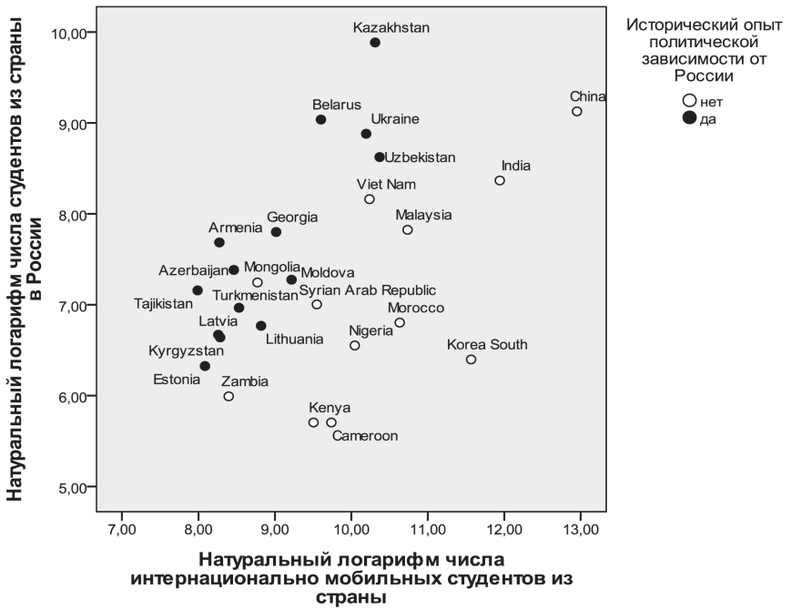

Рис. 9. Зависимость количества студентов из страны N в России от общей численности мобильных студентов из N; темные значки соответствуют республикам бывшего СССР

Мы видим, что размах политической и экономической экспансии страны в прошлом определяет существенную долю ее современных прибылей на рынке международного образования. Это доля для разных игроков разная. Экспортный сектор образовательных систем Португалии и России зависит от наследия политической экспансии очень сильно и получает от бывших колоний более 70 % иностранных студентов. Образовательные системы Франции и Испании получают более 50 %, образовательные система Великобритании — более 40 %. Образовательная система США получает около 30 % иностранных студентов из бывших британских колоний (14 % из Индии). Для сравнения: из бывших французских колоний Штаты получают менее 3 % иностранных студентов.

Глубокие каналы международной студенческой миграции

Для того чтобы картографировать мировую систему студенческих потоков, можно воспользоваться средствами анализа и визуализации сетевых данных. На представленной ниже визуализации точками обозначены отправляющие и принимающие иностранных студентов страны, стрелками — наличие и направление потока между ними. Данные о наличие студентов из страны ***A*** в стране ***B*** фиксировались как направленная от страны ***A*** к стране ***B*** связь между этими двумя странами. Отображены только наиболее существенные для отправляющих стран студенческие потоки, такие, по которым перемещается не менее 30 % всех интернационально мобильных студентов из страны-донора ***A***. На рисунке № 10 мы видим только тех экспортеров и потребителей высшего образования, которые связаны подобными сильными (для страны-потребителя) отношениями. Те каналы, которые способны регулярно перемещать большие потоки интернационально мобильных студентов, можно назвать глубокими миграционными каналами.

Визуализация данных позволяет обнаружить три особенности в распределении потоков. (1) Большинство потоков, которые идут по каналам с глубиной не менее 30 % от всего количества иностранных студентов страны ***A***, идут в единственную принимающую страну ***B***; другим странам достаются только небольшие доли[12]. (2) На карте международных студенческих потоков есть всего несколько точек, притягивающих студенческую миграцию, идущую по глубоким каналам. Это шесть основных центров притяжения: США, Великобритания, Франция, Австралия, Германия и Россия. Кроме крупнейших реципиентов на этой карте появляются три небольших — Португалия, Испания, и Куба. Еще семь стран получают лишь один поток, идущий по глубокому миграционному каналу (Дания — из Исландии, Нидерланды — из Суринама, и т. д.). Центральные крупные реципиенты окружены веером входящих потоков. (3) Большинство отправляющих стран были отображены в качестве точек-аутлаеров на рисунках в первой части статьи.

[12] Необходимо помнить, что отправляющие страны сильно различаются по размеру, и 56 % своих мобильных студентов, которые второй по величине источник иностранных студентов — Индия — отправляет в США, в абсолютных числах дают США 85,7 тысяч студентов, а почти 90 %, которые отправляет во Францию Алжир, дают Франции всего 20 тысяч студентов.

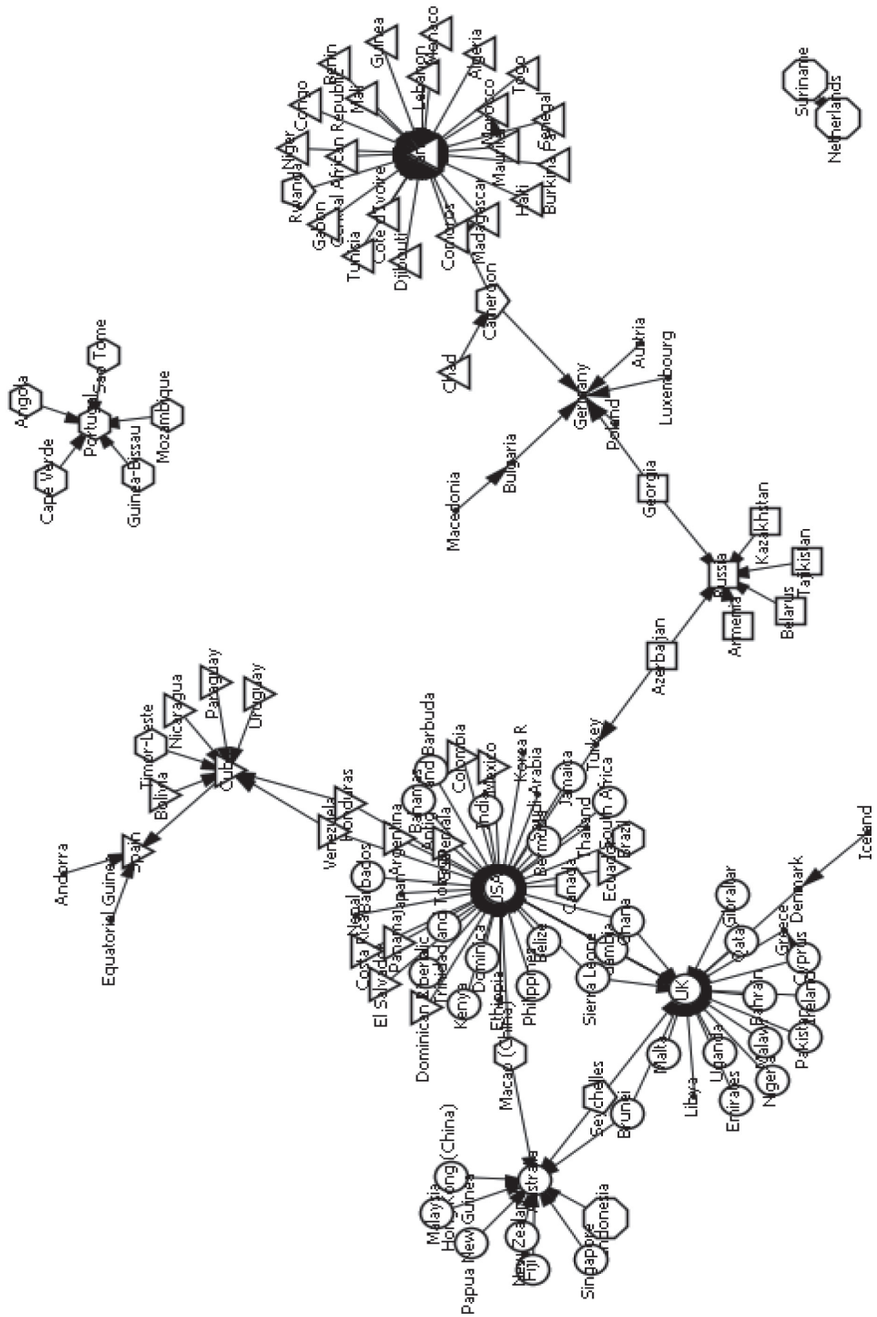

Рис. 10. Глубокие каналы международной студенческой миграции

Анализ плотности взаимодействия между группами агентов, члены которых гомогенны по какому-либо признаку, используется в сетевом анализе для того, чтобы обнаружить в изучаемой популяции (в данном случае 119 стран, связанных глубокими каналами студенческой мобильности) тенденцию к большей или меньшей интенсивности взаимодействия внутри группы, а не за ее пределами. В нашем случае этим признаком (атрибутом) является исторический опыт принадлежности к одной политической структуре, результатом чего может являться экспорт языка из политического центра к периферии.

Плотность взаимодействия (см. табл. № 5) в форме студенческой мобильности внутри группы стран, граждане которых разговаривают на одном языке (в таблице отображена в ячейках главной диагонали), то есть в прошлом принадлежали к одной политической структуре, гораздо выше, чем между странами из разных групп (т. е. в ячейках за пределами главной диагонали)[13].

Таблица 5

Плотность студенческой мобильности внутри групп и между группами стран с одним государственным языком

Язык группы стран	Французский	Русский	Английский	Португальский	Голландский	Испанский
Французский	**0,05**	0	0	0	0	0
Русский	0	**0,14**	0	0	0	0
Английский	0	0	**0,03**	0	0	0
Португальский	0	0	0,01	**0,07**	0	0,01
Голландский	0	0	0,01	0	**0,17**	0
Испанский	0	0	0,02	0	0	0,03

Эту же тенденцию можно увидеть на представленной выше визуализации: страны, которые были частью одной из семи крупных империй Нового и Новейшего времени и у которых в результате экспансии есть общий лингва-франка (английский, французский, испанский, русский и т. д.), выделены значком одной формы. Отдельный значок присвоен странам, территории которых зависели и от Франции, и от Великобритании, т. е. Камеруну и Канаде.

E-I-индекс, который в сетевом анализе используется для того, чтобы зафиксировать в сети явление «гомофилии», то есть склонность взаимодействующих агентов (в нашем случае это страны) образовывать отношения с подобными себе по каким-либо характеристикам агентами (в нашем случае основание для подобия — принадлежность к одной политической системе в прошлом), для изучаемой сети равен -0,349[14] и является значимым на высоком уровне ($p < 0,0001$).

[13] В таблице оставлена информация только по тем странам, куда был экспортирован только один язык, и странам, осуществлявшим экспорт.

[14] Значение индекса меняется в интервале от –1 до +1, но данном случае чем оно ближе к -1, тем больше выражен эффект гомофилии.

Большую или меньшую склонность отдельных групп (стран, принадлежавших в прошлом в одной политической структуре) к гомофилии, то есть к образованию потоков иностранных студентов внутри группы, а не за ее пределами, можно зафиксировать, посмотрев на соотношения внутренних и внешних связей группы (см. табл. 6). Так, страны, входившие в прошлом в колониальную империю Франции и/или говорящие с ее гражданами на одном государственном языке, в большей степени склонны к гомофилии (процент внутренних связей значительно больше, чем процент внешних), чем страны, принадлежавшие политической структуре, созданной Испанией. Мы можем предположить, что большая или меньшая склонность группы к гомофилии может быть обусловлена наличием сильных соперников, которые действовали на территории современного донора студенческой миграции после осуществления первичного экспорта языка и институциональных образцов: меньшая склонность стран Латинской Америки (с испанским и португальским государственными языками) к гомофилии связана с тем, что ее страны в первой половине XX века испытывали сильное политическое и экономическое влияние США.

Таблица 6

Результаты анализа внешних и внутренних связей групп стран с одним государственным языком

Язык группы стран	Количество внутренних связей	Количество внешних связей	процент внутренних связей
Французский	23	3	88,46 %
Русский	6	2	75 %
Английский	41	29	58,57 %
Португальский	5	4	55,56 %
Голландский	1	1	50 %
Испанский	7	14	33,33 %

Социальная организация глубоких каналов студенческой миграции

Почему мы обращаем внимание, прежде всего, на язык? Во-первых, потому, что как уже было сказано выше, знание языка обучения значительно сокращает возможные издержки потенциального интернационально мобильного студента. Во-вторых, если язык имперского центра имеет статус государственного или используется как линва-франка, то он является единственным или одним из языков системы образования в стране-доноре. В тех случаях, когда после получения независимости в этой системе образования появлялись школы, которые предоставляли возможность обучаться на другом, отличном от языка колонизаторов, языке, старый колониальный экспорт порождал основания для неравенства. Поскольку в ситуации политической зависимости знание языка колонизаторов предоставляло больше возможностей для мобильности, доступ к образованию на языке колонизаторов имели элиты и образованные слои. После получения независимости они не только не отказывались от него, но поддерживали его статус как языка обучения в ряде школ, поскольку язык оставался инструментом поддержания классовых границ и приобретения жизненных шансов. Ряд школ с языком обучения колонизаторов продолжали иметь высокий статус; новые школы с локальными языками обучения, куда получали доступ те, кто стоял ниже на ступенях социальной иерархии, имели соответствующую непривлекательную позицию в системе образования.

Более того, как мы знаем из истории колониальных империй, они экспортировали не только язык, но и элементы системы образования. Это означало, что школьники и родители из зависимой страны имели навыки навигации в системе образования, конструкция которой является схожей с конструкцией системы образования метрополии. Кроме того, в системах циркулируют сходные дипломы о получении среднего образования, что означает отсутствие или небольшие издержки при конвертации дипломов.

Таким образом, экспортировав язык, бывшие имперские центры «встроили» в системы образования зависимых территорий элементы, которые направляют интернационально мобильных студентов из политически зависимых в прошлом стран в бывшие метрополии.

Экспорт языка и институциональных образцов образовательной системы может создавать для экспортирующей страны либо исключительные условия получения возвратных студенческих потоков, либо возможности для их последующего разделения или перенаправления среди ее бывших колоний. Исключительные условия имеют Франция, Португалия, Нидерланды, Дания и Россия, поскольку на данный момент нет реципиентов, которые способны учить на их языках так успешно, что могли бы создать новые глубокие каналы. Первичный экспорт английского языка, осуществленный Великобританией, создал одно из условий для перенаправления больших потоков из Азии в США и Австралию. Первичный экспорт испанского создал одно из условий перенаправления отдельных потоков из Латинской Америки в кубинские университеты.

США как страна иммиграции и страна, обладающая крупнейшей академической системой, оказывается в самой сильной позиции. К ней направлены три типа глубоких каналов студенческой миграции. Первый тип появился как один из выигрышей от собственной экономической и политической экспансии второй половины XIX — первой половины XX века (страны Латинской Америки, Филиппины, Япония). Второй тип потоков связан с более поздней экономической и культурной экспансией, однако для них в прошлом была подготовлена почва: Великобританией был экспортирован язык и ряд институциональных образцов (в Индию, например). Третий тип появился как следствие современной экономической и образовательной экспансии; лучший пример такого потока — поток из Южной Кореи и китайского Тайваня[15]. В этих и ряде других случаев современные студенческие потоки, идущие в США, имеют те же элементы в социальной организации, которые удерживают «постколониальные» потоки в европейские страны. Американские исследователи

[15] *Lucy Cheng and Phillip Q. Yang.* Global Interaction, Global Inequality, and Migration of the Highly Trained to the United States //,International Migration Review. 1998. Vol. 32. № 3. P. 626–653.

демонстрируют, что устойчивые потоки мигрантов, обладающих большим объемом человеческого капитала (в том числе потоки студентов, едущих на магистерские и аспирантские (PhD) программы), идущих из ряда стран Азии в США, организованы с помощью университетских подструктур, которые созданы в отправляющих странах силами выпускников американских университетов по американским образцам. Они называют наблюдаемое явление «сопряжением» образовательных систем двух стран (articulation of educational systems). Таким образом построен миграционный канал, обеспечивающий большой поток из Южной Кореи в США (63,8 тысяч студентов). Наличие такого рода элементов способствует дополнительному экспорту языка (значительная его часть осуществляется за счет диффузии культурных образцов средствами массовой культуры).

История деятельности Кубы на рынке международного образования — один из интереснейших случаев, которые заслуживают более подробного изучения. Как утверждают кубинские исследователи[16], в течение 1960–1980-х Куба была связана исходящим студенческим потоком и активными академическими взаимодействиями со странами Восточной Европы (70 % академических взаимодействий). На этот период пришлось интенсивное развитие старой университетской системы Кубы (университеты возникают в тот период, когда еще сильна зависимость от Испании, и создаются по испанским образцам). После распада СССР и прекращения финансовой помощи Куба снова начала отправлять молодых людей в Испанию, а сама развернула активную экспортную кампанию в испаноязычной Латинской Америке (70 % современных академических взаимодействий Кубы локализованы в Латинской Америке), которая привела к ее современному сильному положению в регионе (см. рис. 10).

Кроме того, в ходе экономической экспансии, помимо экспорта языка, центры крупных империй создали устойчивую транспортную инфраструктуру. В прошлом она позволяла метрополиям получать сырьевые ресурсы. Сегодня эта транспортная инфраструктура делает перемещение в бывшую метрополию более простым и привычным (хотя не всегда более дешевым). Ранее она упрощала перемещение рабочей силы и способствовала возникновению устойчивых потоков трудовой миграции; позже начинает поддерживать студенческую мобильность.

Созданные в процессе политической экспансии институты и инфраструктура сокращают издержки на перемещения отдельного индивида. Поскольку образование в стране, которая является источником экспансии, может увеличить шансы на восходящую мобильность, появляются первые агенты (часто принадлежащие к элите отправляющей страны), которые получают такое образование. С появлением первых студентов начинают работать механизмы, которые хорошо описаны в социологии миграции: из индивидуальных агентов складываются сети. Совместное перемещение и жизнь в новой стране является гораздо менее затратным (как в смысле экономических, так и в смысле эмоциональных издержек) предприятием, чем индивидуальное перемещение. Первопроходцы (в нашем случае — первые студенты) обычно должны обладать довольно большими капиталами для того, чтобы уехать (учиться) в другую страну. Но для последующих поколений переме-

[16] *Pérez R. H.* Internationalization of Higher Education in Cuba // Higher Education in Latin America. The International Dimension / ed. by Hans de Wit, Isabel Christina Jaramillo, Jocelyne Gacel-Ávila, and Jane Knight. 2005. P. 211–238.

щение к ранее прибывшим землякам становится менее затратным предприятием. Земляки или знакомые земляков помогают вновь прибывшим найти жилье, дружескую компанию, выручают в случае трудной ситуации и т. д. Такая организация миграции упрощает и ускоряет процесс адаптации и делает миграцию в страну, где нет или не было земляков, менее простым, комфортным и, в конечном счете, менее прибыльным предприятием. Поскольку процесс перемещения упрощается, а выигрыши от миграции возрастают, то все новые и новые мигранты вовлекаются в процесс. Этот эффект называют кумулятивным эффектом миграционных сетей (Massey et al., 2005). Поэтому если трудовая миграция между двумя странами однажды началась, то некоторое время ее объемы будут нарастать. Персональные сети прочно связывают конкретную принимающую страну и конкретную отправляющую страну миграционным потоком, так как обеспечивают регулярное пополнение потока новыми поколениями мигрантов. Массовые миграции относительно устойчивы во времени и пространстве. Чем больше земляков в принимающей стране — тем проще процесс адаптации и меньше издержки на получение навыков жизни в новой стране. Чем проще адаптация — тем более привлекательна страна, где есть принимающее сообщество[17] земляков, и тем более устойчивым становится конкретный миграционный поток.

Наличие трудовых потоков упрощает перемещение современных студентов в связи с кумулятивными эффектами миграционных сетей (у студентов могут быть старшие родственники или друзья родственников — трудовые мигранты). Транспортная инфраструктура поддерживает и трудовую миграцию, и студенческую. На основе межличностных сетей мигрантов образуются предприятия (их легальный статус бывает разным), которые на регулярной основе рекрутируют трудовых мигрантов. В случае образовательной миграции организации системы образования — школы и бакалаврские программы — работают как предприятия, стабильно рекрутирующие студентов-мигрантов.

Заключение

Модель, которая позволяет объяснить существование устойчивых каналов студенческой миграции, можно назвать историко-институциональной. Она учитывает, каким образом устойчивый экспорт институциональных и культурных образцов на протяжении какого-то исторического промежутка определяет современную студенческую мобильность. Современные академические «империи» наследуют институциональную инфраструктуру старых политических образований. Созданная экспортом культурная и институциональная близость между странами позволяет современным студентам сокращать транзакционные издержки на приобретение высшего образования. Наличие этой близости снижает ряд дополнительных затрат, которые могли бы возникнуть, если бы студент решил получить диплом в стране, не

[17] Подробнее о функционировании студенческих сетей и роли принимающего студенческого сообщества в поддержании студенческой миграции можно прочитать в следующей статье автора: *Сафонова М. А.* Организация миграционного потока: студенческие сети Казахстан–Петербург // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 4. С. 107–132.

связанной со страной, где он вырос и получил школьное образование, отношениями принадлежности к одной политической структуре в прошлом. Новые игроки, которые стремятся добиться сильных позиций в системе международной студенческой мобильности (такие, как Куба или Турция) используют все ту же стратегию, доказавшую свою надежность с момента оформления в последней трети XX века.

Литература

Alberts H. C. and Hazen H. D. "There are always two voices...": International Students' Intentions to Stay in the United States or Return to their Home Countries // International Migration. 2005. Vol. 43. Iss. 3. P. 131–154.

Altbach P. G. Globalization and the university: myths and realities in an unequal world // Tertiary Education and Management. 2004. Vol. 10. P. 3–25.

Altbach P. G. The foreign student dilemma. Special Theme // Bulletin of the International Bureau of Education 59. 1985. 71 p.

Barnett G. A. and Wu. R. Y. The International Student Exchange Network: 1970 & 1989// Higher Education. 1995. Vol. 30. № 4. P. 353–368.

D'Arca R. Social, cultural and material conditions of students from developing countries in Italy // International Migration Review. 1994. Vol. 28. № 2. P. 355–370.

Dreher A. and Poutvaara P. Students Flow and Migration: An Empirical Analysis. CESifo Working Paper. 2005. № 1490. URL: http://ftp.iza.org/dp1612.pdf (дата обращения: 25.12.2010).

Chen T. M. and Barnett G. A. Research on International Student Flows from a Macro Perspective: A Network Analysis of 1985, 1989 and 1995 // Higher Education. 2000. Vol. 39. № 4. P. 435–453.

Global Educational Digest 2010: Comparing Educational Statistics Across the World. Montreal, 2010. URL: http://www.uis.unesco.org/template/pdf/ged/2010/GED_2010_EN.pdf (дата обращения: 25.12.2010).

Mann M. American Empires: Past and Present // Canadian Review of Sociology. 2008. Vol. 45. № 1. P. 7–50.

Massey D. S. et al. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millenium. Oxford: Clarendon Press, 2005. 366 p.

Mazzarol T., Soutar G. N. "Push-pull" factors influencing international student destination choice International Journal of Educational Management // 2002. Vol. 16 Iss. 2. P. 82–90.

McMahon M. E. Higher Education in a World Market. An Historical Look at the Global Context of International Study // Higher Education. 1992. Vol. 24. № 4. P. 465–482.

Murphy-Lejeune E. Student Mobility and Narrative in Europe: The New Strangers. London: Routledge, 2001. 288 p.

Myers R. G. Education and emigration: study abroad and the migration of human resources. New York: McKay, 1972. 423 p.

Naidoo V. Research on the flow of international students to UK universities. Determinants and implications // Journal of Research in International Education. 2007. Vol. 6. № 3. P. 287–307.

Rao L. G. Brain Drain and Foreign Students: A study of the attitudes and intentions of foreign students in Australia, the U.S.A., Canada, and France. New York: St. Martin's Press, 1979. 235 p.

Schott T. Ties between Center and Periphery in the Scientific World-System: Accumulation of Rewards, Dominance and Self-Reliance in the Center// Journal of World-Systems Research. 1998. Vol. 4. P. 112–144.

Tremblay K. Student mobility between and towards OECD countries: a comparative analysis// International mobility of the highly skilled. Paris: OECD, 2002. P. 39–67.

Tremblay K. Academic Mobility and Immigration // Journal of Studies in International Education. 2005. Vol. 9. № 3. P. 196–228.

International system of student migration: institutional and historical foundations

Maria A. Safonova

National Research University — Higher School of Economics
Center for Youth Studies, Research Fellow
e-mail: safonovam@yandex.ru

This paper discusses factors which account for origins and directions of international student flows. It aims at mapping student mobility systematically with social network analysis tools. By looking at UNESCO and Russian Bureau of Statistics data it explores the effects of sending country size, indicators of economic development (GDP per capita) and institutional closeness. As a result, the author argues that belonging of the two countries to one political structure in the past (e. g. colonial empire) and institutional export from one of these countries (colonial power) to another (dependent territory) is highly significant for the emergence of a return student flow to former center of political structure.

Keywords: foreign students, international student flows, networks of student migration